

Лукашевич Клавдия Владимировна

**Из недавнего прошлого и
повестей Клавдии Лукашевич**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К47

К47 **Клавдия Владимировна Л.**
Из недавнего прошлого и повестей Клавдии Лукашевич / Лукашевич Клавдия Владимировна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 253 с.

ISBN 978-5-519-94004-7

Содержание. Бедный родственник; Заветное окно; Барин и слуга; Ужасные дни; Две сестры; В тесноте да не в обиде; Переписка трех подруг; К свету

ISBN 978-5-519-94004-7

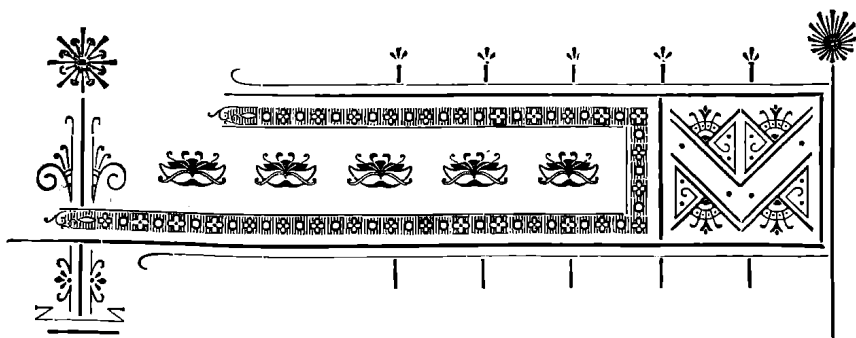
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

БѢДНЫЙ РОДСТВЕННИКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Дѣло было подъ вечеръ. По снѣжной почтовой дорогѣ ѣхала кибитка. Уныло позвякивалъ колокольчикъ; пара чахлыхъ лошадокъ плелась тихо; ямщикъ дремалъ на козлахъ; кажется, дремалъ и сѣдокъ, плотно закутавшись въ шубу.

Дорога была ровная; снѣгъ пушистый и ослѣпительно бѣлый: онъ, вѣроятно, только что выпалъ и не успѣлъ почернѣть отъ ѣзды. Воздухъ былъ прозрачный, съ легкимъ морозцемъ. Въ такую пору ѣхать — одно наслажденіе. Но не такъ думали сѣдокъ и ямщикъ.

Темнѣло. На далескомъ синемъ небѣ загорались рання звѣзды; по бѣлому снѣгу виднѣлась дорога, по сторонамъ ея — мелкіе кустарники, вдали обрисовывались темныя силуэты не то горъ, не то лѣса.

Ямщикъ вдругъ встрепенулся на козлахъ и подогналъ лошадей. Сѣдокъ тоже оправился и сѣлъ поудобнѣе. Онъ не спалъ и изъ-за приподнятаго воротника зорко слѣдилъ за ямщикомъ. Тотъ, покрикивая на лошадей, повернулся и посмотрѣлъ на сѣдока изъ-подъ рукава своего кафтана. Лицо у него было круглое, съ бородкой, черты лица крупныя; самъ онъ былъ коренастый дѣтина, широкоплечій, высокаго роста.

«Какъ онъ на меня странно смотритъ», подумалъ сѣдокъ, приподнялся съ сидѣнья, опустилъ воротникъ и закашлялся.

Ямщикъ замахалъ кнутомъ и звонко свистнулъ на лошадей.

«Свиститъ... Даетъ о себѣ знать», подумалъ сѣдокъ.

— Послушай, любезный, — сказалъ онъ. — Ты у меня такъ свистѣть не смѣй!

Ямщикъ ничего не отвѣтилъ, но, проѣхавъ съ версту, снова обернулся и въ упоръ посмотрѣлъ на сѣдока.

«Опять смотритъ, — подумалъ тотъ. — Ну, погоди жъ ты!.. Я тебя приструню, пріятель»...

Ямщикъ, кажется, хотѣлъ свистнуть, но какъ бы вспомнилъ что-то, и изъ его рта вылетѣлъ неопредѣленный звукъ въ родѣ шипѣнья, который моментально замеръ.

Сѣдокъ завертѣлся въ кибиткѣ и сильно крикнулъ.

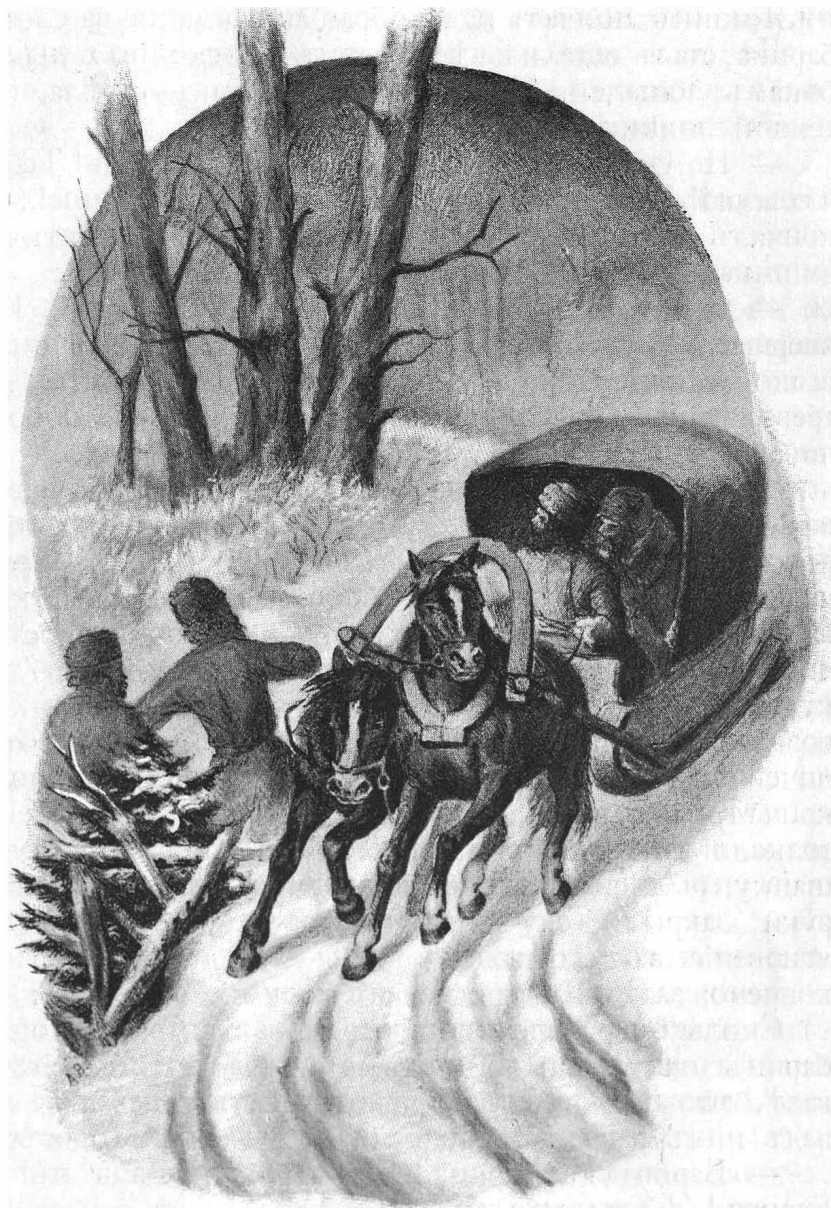
Ямщикъ быстро обернулся и посмотрѣлъ на него пристально и долго.

Тогда сѣдокъ привсталъ въ кибиткѣ и, положивъ руку на плечо ямщика, сказалъ отрывистымъ и рѣзкимъ тономъ:

— Послушай, любезный, если ты еще разъ обернешься и станешь такъ на меня смотрѣть, то я всажу тебѣ въ спину пулю. Слышишь? У меня вѣдь въ рукахъ револьверъ. Такъ и знай!

Ямщикъ опять ничего не отвѣтилъ, но какъ-то весь съежился на козлахъ и погналъ шибко лошадей. Откуда у тѣхъ и прыть взялась!

Кибитка, подпрыгивая, пролетѣла стремглавъ по мосту, поднялась на гору и спустилась въ лошину. Дорога была глухая: ни прохожихъ ни проѣзжихъ; по обѣимъ сторонамъ темнѣлъ густой лѣсъ. Деревья, запорошенные снѣгомъ, стояли близко другъ къ другу и, раскинувъ широко вѣтви, казались сказочными великанами.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ въ то же мгновеніе на поворотѣ, изъ кустовъ, съ правой стороны дороги выскочили двое людей.

— Что ты гонишь лошадей, какъ сумасшедшій?— крикнулъ сердито сѣдокъ.

Ямщикъ молчалъ и, не обращая вниманія на слова барина, сталъ еще сильнѣе хлестать кнутомъ по худымъ бокамъ лошадей. Кибитка неслась, какъ стрѣла, по темной лошинѣ.

— Не смѣй такъ гнать лошадей! Слышишь! Тебѣ я говорю! Поѣзжай тише... Ты что же это?! Тише!..— кричалъ баринъ, привставъ въ кибиткѣ и схвативъ ямщика за плечи.

— Сидите себѣ, баринъ. Я знаю, что дѣлаю... Не впервые... Тутъ мѣсто нехорошее. Въ этой лошинѣ всяко бываетъ... Поскорѣй бы изъ нея выхвать... — тревожнымъ голосомъ отвѣтилъ ямщикъ, не оборачиваясь.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ въ то же мгновение на поворотѣ, изъ кустовъ, съ правой стороны дороги выскочили двое людей; они громко закричали, чѣмъ-то махнули и бросились къ кибиткѣ. Испуганныя лошади шарахнулись въ сторону и остановились, такъ какъ зацѣпились постромками за кусты... Затѣмъ произошло что-то ужасное: крики, возгласы, брань, возня, грохотъ, борьба. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Сѣдокъ безпомощно кричалъ, порываясь выскочить изъ кибитки, но его толкали въ грудь, стягивали съ него шубу, тащили шапку, рылись въ его вещахъ... Наконецъ, сильныя руки закрыли ему ротъ и сдавили горло; въ то мгновение въ его головѣ мелькнуло, что все уже кончено; затѣмъ онъ потерялъ сознание...

Сколько времени прошло — неизвѣстно, но когда баринъ очнулся и пришелъ въ себя, то почувствовалъ, что кто-то его сильно трясетъ, шевелить и надъ нимъ раздается басистый, испуганный голосъ:

— Баринъ, а баринъ! Да ты живъ аль нѣтъ? Баринъ! Живы ли вы?!

— Живъ,—отвѣтилъ тихо сѣдокъ и пошевелился.

— Ну, славу Богу!! А какъ я-то испугался! Думалъ, вы померли...

— А ты кто такой?

— Ямщикъ вашъ... Аль еще не признаете?!

— Гдѣ же мы? Что со мной случилось?— очнулся сѣдокъ и вздрогнулъ: ему стало жутко.

— Ъдемъ по дорогѣ... Такая бѣда вышла. Говорилъ вѣдь я... Это мѣсто такое проклятое... Тутъ «они» прячутся... Всякое бываетъ...

— А теперь-то мы гдѣ?— снова переспросилъ сѣдокъ, тревожно оглядываясь кругомъ.

— По дорогѣ ъдемъ. Не бойтесь.

Дѣйствительно, они ѣхали по ровной дорогѣ въ той же самой кибиткѣ. Въ вышинѣ ярко горѣли звѣзды; кругомъ разстилалось снѣжное поле; было тихо и морозно.

Сѣдокъ, совершенно пришедшій въ себя, увидѣлъ, что на козлахъ сидитъ тотъ же ямщикъ: онъ повернулся къ лошадямъ спиной, нагнулся къ барину и смотритъ на него участливо и улыбается, при чемъ на кругломъ лицѣ сверкаютъ бѣлые зубы.

— Что это было такое? — содрогнувшись, спросилъ сѣдокъ.

— Напали бродяги... Они часто въ этой лошинѣ прячутся... Тутъ имъ лафа... Мостъ близко, лѣсъ, оврагъ, крутой поворотъ... Мѣсто скверное...

— А ты-то какъ же? — спросилъ баринъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать: «А развѣ ты не былъ съ ними заодно?»

Но ямщикъ его не понималъ.

— Я-то ничего. Здорово имъ всыпалъ, — отвѣчалъ онъ. — Будутъ меня помнить. Не на таковского напали... Я и на медвѣдя одинъ на одинъ хаживалъ, а такихъ-то дохлыхъ и еще бы съ десятокъ отдѣлалъ... Тотъ, что васъ придушилъ, у меня кубаремъ въ оврагъ скатился. Не знаю, живъ ли...

— Спасибо тебѣ, голубчикъ, большое спасибо... Никогда не забуду твоей помощи... Ты, можетъ-быть, меня отъ смерти спасъ... Вѣкъ не забуду, — проговорилъ баринъ, и у него на душѣ стало радостно и весело.

— Что тутъ за благодарность! Я шибко испугался, думалъ, что вы померши... Съ вами такой «оморокъ» вышелъ.

— Еще бы! Негодяй такъ стиснулъ мнѣ горло, что казалось — и духъ вонъ... Я человѣкъ больной, слабый... Гдѣ же мнѣ съ ними бороться!.. Спасибо тебѣ, голубчикъ, что спасъ... Если бъ не ты, не знаю, что теперь бы со мной было...

— Вещи ваши я всѣ собралъ и въ кибитку сложилъ... Они ихъ повытаскали да по снѣгу раскидали... Кажись, что ничего не пропало...

— Что вещи!.. Дѣло шло о жизни. Вещей не жаль...

— Какъ не жаль, — возразилъ ямщикъ. — Все, поди, трудомъ нажито... Какъ не жалѣть!

Ямщикъ задумался и долго молчалъ, потомъ онъ обернулся къ сѣдоку и, улыбнувшись, проговорилъ:

— Баринъ, а знаете ли, что я вамъ скажу?! Вѣдь я васъ боялся...

— Ты боялся меня? — удивился баринъ.

— Да. На прошлой недѣлѣ одинъ такой же баринъ, какъ вы, въ этой же лошинѣ ямщика убилъ и лошадей его угналъ... И посейчасъ не нашли...

— Можетъ ли быть? — поразился баринъ.

— Вѣрно. Спросите въ городѣ — всѣ скажутъ.

— Оттого-то ты на меня такъ подозрительно и смотрѣлъ?

— Такъ, такъ. Боязно было, — подтвердилъ ямщикъ.

Баринъ громко разсмѣялся. Ямщикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Ну, братецъ мой, скажу тебѣ откровенно, а я вѣдь тебя боялся, — сказалъ сѣдокъ.

— Меня? Вотъ тебѣ и разъ!

— Да. Мнѣ казалось, что ты и свистишь кому-то, и лошадей гонишь нарочно, и на меня подозрительно смотришь...

— То-то вы все сердились... То не гляди, то не свисти, то тише... Я думаю, тутъ не ладно... Да еще вы меня пулей припугнули... Боязно было.

— Какая тамъ пуля! Я и стрѣлять-то не умѣю.

Сѣдокъ и ямщикъ громко и весело смѣялись, вспоминая, какъ они трусили другъ друга.

Вдали, немного въ сторонѣ, замелькали огни.

— Это моя деревня. «Растеряево» называется, — сказалъ ямщикъ. — Тутъ у меня избенка. Семейство живетъ. Завернули бы вы, баринъ, обогрѣться и съ перепугу оправиться. У меня и самоварчикъ есть. Моя баба живо все справить.

— Ладно, голубчикъ, согласенъ.

Баринъ чувствовалъ большое расположеніе къ этому ямщику и охотно согласился на его предложеніе, думая его этимъ порадовать.

Кибитка свернула съ тракта и, проѣхавъ нѣсколько десятковъ сажень, промчалась по деревенской улицѣ и вскорѣ остановилась около маленькой избы въ три окна, занесенной снѣгомъ. Изба находилась посреди бѣдной, тихой деревни. Двѣ собаки бросились съ лаемъ къ пріѣхавшимъ, кое-гдѣ показались люди, и на звукъ почтоваго колокольчика изъ избы выбѣжала женщина и мальчикъ лѣтъ восьми.

— Тятенька! — радостно воскликнулъ мальчикъ, бросаясь къ ямщику.

— Молчи, молчи, сынокъ, — сказалъ пріѣхавшій, погладилъ мальчика по головѣ и указалъ на барина, вылѣзавшаго изъ кибитки.

— Маша, поставь-ка намъ скорѣе самоварчикъ. Мы съ бариномъ въ снѣгу побывали, — сказалъ ямщикъ женѣ.

— Неужели ты барина вывалилъ? Кажется, Степа, за тобой этого не водилось. Что за грѣхъ такой?! — укоризненно проговорила женщина, скрываясь за калитку.

Пріѣхавшіе вошли въ избу. Здѣсь было низко, душно, бѣдно, — какъ въ тысячахъ подобныхъ избъ на Руси.

Хозяйка хлопотала около стола; барина усадили на скамейку въ красномъ углу; ребятишки обступили ямщика, ласкались къ нему и что-то шептали, искоса поглядывая на барина.

Когда ямщикъ разсказалъ женѣ о томъ, что съ ними случилось дорогой, — она сначала остановилась, какъ окаменѣлая, вся поблѣднѣла, потомъ заплакала и стала быстро креститься.

— Вотъ какое его дѣло... Того и гляди, сиротами останемся... И всякаго-то человѣка жалъ... А такогото, какъ нашъ и ввѣкъ не оплачешь... — проговорила сквозь слезы женщина.

— А развѣ твой мужъ хорошій? — шутливо спросилъ баринъ, чтобы отвлечь хозяйку отъ грустныхъ думъ.

— Хорошій... Нечего таить, баринъ, — хорошій: не пьетъ, не кутитъ и насъ бережетъ, жалѣетъ... — быстро отвѣтила женщина.

— Перестань! Что за похвальба?! — недовольнымъ тономъ отвѣтилъ ямщикъ.

Но жена взглянула на него такимъ ласковымъ взглядомъ, что пріѣзжій баринъ сразу понялъ, что въ этой бѣдной хаткѣ живутъ миръ да любовь.

— У васъ, кажется, большая семья? — спросилъ баринъ.

— Четверо ребятъ, да насъ двое, да мать старуха, да еще тетка убогая... Много насъ. Жить не легко. Мы безземельные... Доходы нынче плохіе... Трактъ нашъ тихій. Хочется и ребятъ въ люди вывести... А учить-то не изъ чего... У меня двое старшихъ очень смышленные, такъ и рвутся къ наукѣ, — разсказывалъ ямщикъ.

— Полно тебѣ, Степа, Бога гнѣвить... Будешь ты живъ да здоровъ, — справимся... И ребятъ подыдемъ... Можетъ, и до науки доведемъ... Что за бѣда, что недохваты... Не мы одни бѣдствуемъ... Зато живемъ, хоть и въ бѣдности, да не въ обидѣ, — задумчиво говорила женщина и попрежнему смотрѣла на мужа хорошимъ взглядомъ.

Пріѣзжій подошелъ къ дѣтямъ и погладилъ бѣлокурныя головки. На него изъ-за спины отца глянули пытливые, добрые дѣтскіе глаза.

— Что? хочешь учиться? — спросилъ баринъ старшаго мальчика.

— Хочу. Шибко хочу. Вотъ и Варюшка хочетъ. Только тяткѣ съ мамкой на кафтанъ и на сапоги не сбиться, — бойко отвѣтилъ мальчикъ.

— А какъ тебя звать?

— Ванькой.

— Вотъ славно. Значить, мы съ тобой — тезки.

Баринъ вздохнулъ, въ его душѣ шевельнулось чувство невольной зависти къ этому ямщику, у котораго такія славныя дѣти, и ласковая жена, и этотъ бѣдный уголь, гдѣ его всегда нетерпѣливо ждутъ и встрѣчаютъ съ такой радостью.

Онъ съ грустью подумалъ: «А меня никто не ждетъ, никто не встрѣтитъ радостно, никто не позаботится... Скверно жить на свѣтѣ одинокому человѣку».

Между тѣмъ, хозяйка приготовила на столъ и привѣтливо сказала:

— Жалуйте, баринъ. Отвѣдайте, что Богъ послалъ... Не осудите нашу бѣдность!

На столѣ стояла похлебка, лежала краюха черного хлѣба, и кипѣлъ самоваръ.

— Что же ты, Маша, сахару-то не дала? — спросилъ ямщикъ.

Жена его полѣзла въ сундукъ и долго тамъ рылась; наконецъ, она достала какую-то тряпку, вывернула изъ нея коробку, а изъ коробки высыпала на блюдо пять кусковъ сахару.

Дѣтскія головенки приподнялись, вытаращенные глаза съ умиленіемъ посмотрѣли на сахаръ, рты облизнулись...

Пріѣзжій баринъ взялъ два кусочка сахару съ блюда и далъ ребятишкамъ. Ямщикъ съ женой переглянулись: у нихъ больше не было сахару, а потому мать незамѣтно отняла его у ребятъ; тѣ хотѣли было захныкать, но, увидѣвъ строгій взглядъ отца, замолчали.

Попили чаю, потолковали о случившемся, поговорили и стали собираться въ путь. Баринъ вынулъ кошелекъ, досталъ десять рублей и, подавая хозяйкѣ, сказалъ:

— Вотъ возьми, голубушка, отъ меня... Спасибо за угощенье, за ласку...

— Нѣтъ, нѣтъ! Что вы, баринъ! Какая тутъ плата... Мы поберегли васъ не изъ корысти,—чѣмъ Богъ послалъ... Не обезсудьте... А денегъ я не возьму. Жалуйте на перепутьѣ и въ другой разъ.

— Возьми, милая, не обижай меня. Это ребяткамъ на гостинцы. Пусть помнятъ, что ихъ отецъ меня отъ смерти спасъ. И я этого никогда не забуду... И къ вамъ еще заверну...

— Нѣтъ, баринъ, такъ не полагается... — сказалъ обидчиво ямщикъ, отводя руку съ деньгами.—Я пожалѣлъ... Неужто жъ за это платить?

Пріѣзжій не сталъ настаивать, но, усѣвшись въ кибитку, подозвалъ старшаго сынишку ямщика, приласкалъ его и, когда лошади тронулись, зажалъ въ его руку десятирублевую бумажку. Кибитка помчалась, колокольчики зазвенѣли, и снѣжная пыль поднялась столбомъ.

Дорогой сѣдокъ съ ямщикомъ разговорились.

— Я ѣду на родину, — рассказывалъ баринъ. — Много лѣтъ я здѣсь не былъ. Стосковался. Тутъ въ городѣ у меня живутъ родные племянники. Оба теперь женаты и дѣти есть. Давно я ихъ не видѣлъ. Оставилъ еще дѣтьми. Славные были мальчики, особенно Васенька—такой курчавый, красивенькій, добрый. Весь былъ въ нашу семью, а другой, Антоша — на мать былъ похожъ. Болѣе 25 лѣтъ я ихъ не видѣлъ. Захотѣлось кровныхъ повидать, около нихъ пожить, дѣтей ихъ понѣжить, по роднымъ мѣстамъ побродить. Старъ сталъ, прихварываю... Вотъ и потянуло сюда. Захотѣлось тутъ дни остальные спокойно дожить...

— Правда ваша, баринъ, родная сторонущка — все равно, что матушка родимая... Такъ душа къ ней и льнетъ: какъ на чужбинѣ ни хорошо, а все по родинѣ стоскуешься... Да мнѣ бы, кажется, на чужбинѣ да безъ своихъ и мѣсяца не выжить... Сердце сторѣло бы... Вѣрно, баринъ... Оттого и вамъ не-